Игорь Шиповских

Сказка о таинственной принцессе Стешеньке и её наставнике художнике Дасии

Игорь Дасиевич Шиповских

Сказка о таинственной принцессе Стешеньке и её наставнике художнике Дасии. Новелла-сказка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39412760
ISBN 9785449376039

Аннотация

Сказка о превратностях судьбы и невероятном чуде, о внезапном преображении и королевском происхождении, о волшебном искусстве живописи и людях его творящих, о дружбе и ещё о многом, чём таком, от чего появляется любовь и доброта, нежность и сочувствие, радость и восторг. А действие этой истории начинается в сказочном королевстве, где возможны не только чудеса, но и самые настоящие, реальные вещи, от которых на душе становится тепло, разум призывает делать добро, а сердце рвётся к прекрасному…

Содержание

1 5
2 10
3 15
4 24
Конец ознакомительного фрагмента. 27

Сказка о таинственной принцессе Стешеньке и её наставнике художнике Дасии Новелла-сказка

Игорь Дасиевич Шиповских

© Игорь Дасиевич Шиповских, 2018

ISBN 978-5-4493-7603-9
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Когда-то давным-давно в старые добрые времена честных королей и великих царей жил в нашем расчудесном государстве один очень талантливый и трудолюбивый художник с немного странным для наших мест именем – Дасий. Разумеется, многих удивляло, откуда у него такое вычурное имя, кругом Иваны, Федоты да Алексашки с Петрами, а тут на тебе – Дасий выискался. Однако как только эти многие узнавали, что означает его имя, то всякое удивление у них сразу пропадало, потому как означало оно «добрый», «участливый», «мудрый» и даже «справедливый».

И надо отметить, что художник полностью соответствовал своему необычному имени. Был точно таким же добрым, мудрым, справедливым, и всегда принимал благое участие в судьбах незаслуженно обиженных людей; бедняков, сирот, убогих, или любого другого человека, не могущего самостоятельно обеспечить себя защитой, кровом и пропитанием. Вот настолько он был сердобольный.

Бывало, увидит старика или калику прижавшегося к забору и схватившегося за сердце, так обязательно подойдёт, спросит, как тот себя чувствует, и не нужна ли ему помощь. Ну а если окажется что человеку действительно плохо, то тут же проводит его к доктору или какому другому лекарю. А уж коли человек просто устал, или оголодал от нехватки

денег, так он непременно ему пятак на еду даст, а то и гривенный отвесит. И даже случалось, бедняков рублём одаривал, чтоб те себе новые портки купили.

Одним словом, щедрым был художник, не скупился, не жалел для людей средств, считал их всех своими друзьями и чуть ли не братьями, никому в помощи не отказывал. И вот может быть по этой самой причине жил он небогато, скромно, если не сказать бедновато. Лет ему было уже за пятьдесят, и из всех его крупных достояний за ним числилась лишь небольшая лачужка-мастерская, в которой он собственно и обитал. Состояла она из кухни, сарая, пары крохотных комнатушек, и одного более или менее вместительного помещения. Это-то как раз и была сама мастерская, где он работал.

И чего только у него в ней не хранилось, вся она была забита какими-то холстами, рамками, полотнами. Уставлена столиками с кистями, красками, колбочками с лаком и разбавителем-керосином. В общем, целая лаборатория. Ну а как апофеоз всего этого хаоса в центре мастерской возвышался огромный, старинный, дубовый мольберт. Естественно, у художника имелись ещё и треноги этюдники для выхода на пленэр, но тот мольберт был его главной гордостью.

– Это мой талисман!… с него сходят такие полотна, которыми можно восхищаться и любоваться бесконечно!… ни на каком другом мольберте я бы не смог написать нечто подобное!… – не раз говаривал Дасий, показывая своим дру-

зьям новую картину. А друзей у него, по понятным причинам, было невероятное множество, почти весь город. Кроме, разумеется, крохотной горстки завистников. И все его друзья, как один, изумлялись его способности писать столь восхитительные картины в таком несусветном хаосе.

– Да тут у тебя не пойми что делается!… сам чёрт ногу сломит!… повсюду сплошная круговерть!… холсты, краски, рамки, кисти, всё перемешалось!… Да тебе старина надо бы расширяться,… новой мастерской обзавестись, старая-то уже маловата,… или хотя бы приберись в этой!… – удивлённо глядя на всю эту чехарду и неразбериху, советовали они.

– Ну, что вы такое говорите!?… зачем мне расширяться!?… у меня и так всё замечательно!… превосходная мастерская!… А то, что в ней, по-вашему, всё хаотично, так это ведь всего лишь творческий беспорядок!… И он мне, кстати, необходим!… лично для меня все вещи лежат именно там где им и положено!… Ну а если я их распределю по ранжиру или же по комплектации, то это уже будет,… ха-ха… какая-то казарма или торговая лавка маляра в которой всё лежит по полочкам!… – отшучивался художник и продолжал творить в одной ему понятной и удобной обстановке.

А надо сказать, что творил он много, красиво и практически беспрестанно. Дасий мог и посредь ночи вскочить с какой-нибудь потрясающей идеей пришедшей ему во сне, и тут же начать воплощать её на холсте. И хотя такое случа-

лось с ним нередко, да и в мастерской он писал почти круглые сутки, но всё же основным и любимым своим занятием он считал работу на пленэре, на натуре так сказать.

Там на природе Дасий чувствовал себя в своей стихии. Небо, облака, лес, горы, реки, озёра и, конечно же, поля были для него неиссякаемым источником вдохновения. Он мог весь день просидеть на лужайке, дожидаясь нужного ракурса, положения, освещения, или затемнения выбранного им объекта. Но как только все эти слагаемые собирались воедино, он соскакивал и с невероятным рвением бросался писать.

Всего за час, а то и меньше, Дасий мог отобразить на холсте всё то, что он так долго ждал. Но зато это полотно было достойно звания шедевра. И, разумеется, такой шедевр ценился недёшево. Иные богатые почитатели его творчества выкладывали приличные суммы за эти полотна. Но наш художник все те немалые гонорары тут же пускал на благотворительность. Уж насколько он был добродетелен.

– Ну не могу я жить в роскоши и питаться на золоте, когда вокруг меня есть бедные и убогие,… считаю своим долгом помогать им!… Ведь недаром же Господь наделил меня таким талантом,… так что моя миссия своим дарованием приносить людям пользу!… – искренне заявлял он, и вновь брался писать следующий шедевр. Да уж, трудоспособности Дасия можно было только позавидовать, и все его друзья восхищались этой его способностью.

– Счастливый ты человек, нашёл своё предназначение

в жизни!… и теперь тебе уже ничего другого не нужно!… – вторили они ему. Однако надо заметить, что в этом определении, друзья, мягко говоря, заблуждались. Предназначение Дасия не ограничивалось лишь его талантом художника, вовсе нет, и его главная миссия была ещё только впереди. Правда, сам он об этом пока ничего не знал, но факт остаётся фактом, самое важное событие в его жизни уже стучалось в дверь. Как говориться, он стоял на пороге великих открытий.

2

Однажды, когда Дасий в очередной раз отправился на пленэр, писать пейзажи, с ним произошла очень загадочная история. Встав рано утром, он, как обычно умылся, позавтракал, собрался, и уже буквально через полчаса был на своём излюбленном месте, за леском, напротив речки. Взобравшись на пригорок, с которого открывался чудесный вид на ближайшее пшеничное поле, клиновую рощу и небольшое озерцо, Дасий установил этюдник, и как всегда прилёг на травку в ожидании нужного света и экспозиции.

Однако долго ждать ему не пришлось. Уже ближе к полудню солнышко достаточно бодро осветило раскинувшуюся перед ним панораму, и он не замедлил приступить к работе. Привычно вскочив с травки Дасий практически мгновенно нанёс на холст два основных мазка. С них-то всё и началось. Под напором кисти они мгновенно преобразились в небо и облака. А ещё секунду спустя Дасий уже писал рощу, поле и озеро рядом с ними. Не прошло и получаса, как картина была полностью готова.

Испытав неимоверное блаженство от быстро выполненной работы, Дасий с наслаждением распластался на лужайке и, глубоко вздохнув, устало закрыл глаза. Пред ним сразу всплыла его готовая картина. Он увидел её такой, словно он по-прежнему стоял у этюдника и разглядывал тончайшие

детали холста. Кстати, Дасий делал это почти всегда. Тем самым он выискивал различного рода недостатки и огрехи своей работы. Перебирая в уме фрагменты картины, он безошибочно определял неудавшиеся мазки и прочие неточности. Так, лёжа на спине с закрытыми глазами, ему было удобней это делать, уж таков был его стиль.

И вдруг в какой-то момент полотно у него размазалось, расплылось, и на нём появился непонятно откуда взявшийся старинный замок. Затем на дорогу, шедшую от замка, выкатила изыскано украшенная карета. Последнее что увидел Дасий, это был силуэт мужчины со свёртком в руках, и уже в следующую секунду он забылся сладким сном. Впрочем, тут нет ничего необычного, такие видения у него тоже часто случались.

Проспав час с лишним, он резко проснулся, и приятно потягиваясь, поднялся, чтобы вновь взглянуть на свою новую картину, но только теперь уже воочию. То, что он на ней увидел, привело его в благоговейный трепет. Композиция на картине полностью изменилась. Теперь на переднем плане были ни озеро и роща, кои он так старательно прорисовывал, а тот самый сверток, который он видел на руках у силуэта мужчины в грёзах.

– Что за чудеса?… откуда это тут появилось?… разве такое возможно!… Неужели солнце мне так напекло голову, что я даже не помню, как нарисовал этот свёрток?… – удивлённо вглядываясь в полотно, рассеянно пробурчал Дасий, –

ну-ка,… ну-ка,… а это ещё что за такое?… – взволнованно прошептал он, и внимательно присмотревшись к свертку, заметил, что из него выглядывают два крохотных голубых, словно васильки, детских глазика.

– О, божешь ты мой!… да это же не сверток, а запеленованный младенец!… но откуда он здесь взялся!… – воскликнул Дасий и, схватив картину с этюдника, стал крутить её туда-сюда, ища в ней подвох, – нет-нет, такого не может быть! … что это!?… А может я, где-то в глубине душе так хочу обзавестись семьёй и ребёнком, что во сне, словно какой-то лунатик, дописал ещё и младенца… – проверяя свежесть краски и заглядывая на тыльную сторону полотна, недоверчиво тараторил он.

В голове у него роилась тысяча всяких предположений, как такое могло случиться. Дасий даже подумал, что пока он спал, над ним кто-то подшутил, взял и подрисовал дитя, или просто подменил картину. Но проверив всё досконально, и убедившись, что, и холст, и краски его, он отмёл столь нелепое предположение. Поставив полотно обратно на этюдник, он нервно заходил по лужайке, изредка бросая взгляд то на картину, то на пейзаж за ней.

– Нет!… всё сходится,… и лесок тот, и озерцо то,… всё на месте!… но откуда взялся ребёнок?… не понятно!… – возбуждённо рассуждал он. Однако походив и пометавшись так с полчасика, Дасий успокоился и покорно принял версию, что ему просто напекло голову, и он, не помня себя,

случайно написал это прекрасное дитя. А приняв такую версию, он вдруг сильно захотел домашнего уюта и тепла.

– Да уж,… вот что значит жить без семьи, без детей,… даже во сне я начинаю грезить об этом!… Ах, как бы было замечательно растить своих ребятишек,… этаких мальчишек забияк носящихся по дому!… О, нет!… они наверняка навели бы такой кавардак, что потом не разберешься, где что лежит!… Уж лучше тогда растить девочку хлопотунью!… Нежную, добрую доченьку,… мы бы с ней гуляли по нашим прекрасным просторам,… писали бы вместе пейзажи,… прославляли бы красоту природы,… ах, как бы это было хорошо… – мечтательно вглядываясь вдаль, рассудил Дасий, печально вздохнул и стал скорей собираться домой.

Мгновенно сложив этюдник и убрав полотно, он окинул прощальным взглядом, полюбившуюся ему панораму, и, развернувшись, почти бегом заторопился в город. По пути он ещё раз несколько вспоминал о случившемся с ним казусе, но разыгравшийся аппетит и обострившаяся жажда тепла и уюта с каждым шагом всё больше и больше затмевали эту тему. А дойдя до своего скромного жилища, он вообще забыл обо всём и, погрузившись уже в совершенно другие заботы, отправился на кухню готовить себе обед.

Разжёг очаг, поставил воду, помыл овощи, и машинально распаковал этюдник. Выложил краски, кисти, и убрал написанную им картину подальше в мастерскую, чтоб она не мешалась под ногами и спокойно сохла. А когда в ка-

стрюльке весело забулькал суп, добавил в него пряных специй и уселся обедать. Впрочем, обед у него долго не продлился. На еду Дасий времени много не тратил, предпочитал экономить на этом. А вот вздремнуть после обеда, дабы набраться сил для вечернего пленэра, обожал.

Вот и сегодня он собирался пойти вечерком на свой любимый бугорок писать закат. Для него это было привычным делом писать по два раза в день на одном и том же месте, разное освещение, разные краски, непредсказуемый колорит. Так что все его мысли сейчас были поглощены вечерним походом, а о дневной картине он уже и не вспоминал. Ну, подумаешь великое дело, с кем не бывает, написал что-то не то, а потом забыл. В общем, дневная история никак не повлияла на его вечерние планы. Однако последующие события показали, что в нашем мире не всё так просто и в корне изменили его жизнь.

3

Изрядно выспавшись и отдохнув, Дасий уже через час был на ногах. Первым его желанием было испить перед выходом свежего, ароматного, бодрящего чайку. Быстро вскипятив воду и накрошив в чарку сахарку с боярышником, он уже было собрался присесть за стол, как неожиданно из мастерской, где сохла дневная картина, раздался странный мяукающий звук.

– Что это!?… никак кот забрался!?… ишь проказник, размяукался,… надо бы его прогнать пока чего не натворил… – услышав непонятное вяканье, решил Дасий и поспешил в мастерскую. Каково же было его удивление, когда он там оказался. На полу возле той самой картины лежал запеленгованный ребёнок и жалобно плакал. Это-то и был тот мяукающий звук, что он услышал с кухни. Но что ещё удивительно, картина была пуста, младенец на ней отсутствовал.

Дасий недоумённо открыл рот и немигающим взглядом уставился на ребёнка и картину одновременно. Он был не в состоянии что-либо сказать, в горле вмиг пересохло, и он только взмахивал руками, указывая то куда-то наверх, то на дверь. Бедняга вновь не мог поверить, что здесь замешано чудо. Он снова подумал, что над ним продолжает подтрунивать какой-то невидимый шутник.

– Да что же это такое!… ну, кто же так надо мной потеша-

ется!?… а ну выходи!… Да сколько же можно прятаться!… – наконец выдохнул он из себя возмущение, думая, что сейчас-то он точно разоблачил неведомого шутника. Но, увы, никакого отзыва не последовало, никто к нему не вышел. Никакого шумка, ни смешка, ни хохотка, ни движения, лишь тишина, и даже младенец стал меньше плакать. Быстро очнувшись от первого шока, Дасий подошёл к младенцу, осторожно поднял его с пола, и перенёс на стол.

– Ну что же ты всё плачешь,… ах, ты горюшко моё,… и откуда же ты только взялось, дитятко голубоглазое… – ласково глядя на ребёнка, пролепетал он и стал аккуратно разворачивать его. Сняв пелёнки, он сразу обнаружил причину плача. На груди у дитя плотно прижатый пелёнкой к телу лежал дорогой золотой кулон сплошь усыпанный жемчугом. Именно он, давя на грудь, доставлял ребёнку боль. Дасий быстро снял кулон, открыл его и начал изучать. Ребёнок вмиг затих.

– Хм,… странно,… не по-нашему написано,… какая-то латынь,… явно чужой язык,… надо будет потом показать библиотекарю!… Ну и хватит на этом,… дитятке ведь всё равно, на каком языке с ним говорят, лишь бы сытно кормили,… а вот с едой-то у меня негусто!… Надо бы молочка раздобыть, да кашки манной сварить,… вон, как грустно на меня смотрит,… проголодалась малютка… – нежно сюсюкая, пролепетал Дасий и тут же кинулся на кухню хлопотать по хозяйству. Взялся искать кастрюльку для кашки и посуду под молоко.

А меж тем сама малютка, безмолвно возлегая на столике для холстов, потихоньку сучила ножками и спокойно поглядывала по сторонам. Смотрела, куда это она попала. Кстати, малютка оказалась очень даже премилой девочкой первого года жизни. И теперь её симпатичные голубые глазки с любопытством изучали развешенные по всем стенам мастерской картины.

– Ура, нашёл!… ты только немножко потерпи, моя хорошая!… я сейчас!… я быстро!… – закричал с кухни Дасий и, схватив найденную им посуду, мгновенно умчался к соседям за молоком и манкой. У тех тоже недавно появился ребёнок, а потому они всегда держали в запасе молоко и детскую кашку. Девочка же, словно понимая, о чём её попросил Дасий, кивнула головой и еле слышно замурлыкала про себя какую-то незатейливую мелодию. Ей было теперь так тепло и уютно среди всех этих живописных картин. Она сейчас будто находилась в каком-то волшебном лесу, ведь её окружали полотна с чудесными пейзажами.

Но вот от соседей быстро вернулся Дасий, он принёс молока и манки. Почти молниеносно сварив кашку, он принялся кормить малютку, при этом ещё умудряясь рассматривать распашонку и пеленки, в которые она была завёрнута.

– Ого!… а ведь тут какие-то вензеля вышиты,… видать, ты непростая девочка,… из какой-то дворянской семьи!… Может из графской, а то и княжеской!… Но вот точно из какой, не понятно,… и как ты здесь оказалась, тоже не ясно!…

Ну, неужто и вправду из картины явилась,… но как такое возможно!?… просто уму непостижимо!… – всё ещё удивлялся Дасий, ложечка, за ложечкой подкармливая малышку. А ей голубушке всё равно, что он там про неё лопочет, она знай себе, кашку уплетает, уж больно она ей по вкусу пришлась. Но вот кашка была съедена и малышка, напоследок тщательно облезав ложку, быстро заснула. А вернее сказать задремала, потому что было хорошо видно, как она беспокойно подёргивают ресничками.

– Ах, бедняжка… и тебе снятся тяжкие сны,… наверное, тоже привиделось что-то странное,… ну ладно-ладно,… ты спи кроха, а я посторожу тебя,… да заодно покумекаю кой чего… – мягко улыбнувшись, пролепетал Дасий и присев рядышком стал думать, как ему дальше быть. Пойти, всем объявить о находке и начать искать её родителей, либо спокойно, без суеты, подождать, когда всё проясниться само собой. Разумеется, о походе на пленэр теперь не могло быть и речи. Появление малышки внесло существенные коррективы во все его планы.

Однако время шло, и надо было что-то решать. И вскоре Дасий, хорошенько взвесив все за и против, решил никому ничего не говорить, и ждать сообщений извне. А пока, он с удовольствием взялся переустраивать своё холостяцкое жилище в удобные детские пенаты. И начал он со своей крохотной спальни. Можно было сказать, исполнилась его давняя мечта стать отцом. Теперь у него появилась возможность

доказать самому себе, что он способен на эту роль.

В голову ему тут же пришло тысяча фантастических идей связанных с убранством детской комнаты. И пока малютка посапывала в мастерской, он быстро вытащил из своей спальни все старые вещи, вытер там пыль, вымыл полы и отчистил потолок. В общем, сделал капитальную уборку. Комнатушка вмиг преобразилась. Такой чистой и ухоженной он её не видел никогда. Стены сияли, пол блестел, а потолок приобрёл прежний небесно голубой оттенок.

– Ох, как же замечательно,… а ведь когда-то давно я сам красил эти стены и оформлял потолок,… вот уж не ожидал, что всё можно так запустить,… сколько же грязи и хлама накопилось за эти годы!… Нет, чувствую тут одной спальней не обойтись,… пожалуй, всю мастерскую нужно в порядок приводить,… и правы были мои друзья, надо дать хорошую встряску этому месту!… – словно очнувшись от глубокой спячки, тихо воскликнул Дасий и продолжил хлопотать.

Следующим его шагом было создание детской кроватки-колыбели. Он их в своей жизни столько перерисовал, что это не стало для него какой-то проблемой. И уже спустя примерно час в комнатушке появилась новая ещё пахнущая свежими древесными стружками кроватка. Дасий её ловко сколотил из штакетника, шедшего на рамки для холстов. А оттого кроватка получилась лёгкой и даже какой-то ажурной. А ещё через полчаса всё переустройство благополучно закончилось, и от его прежней спальни не осталось и следа.

Теперь это была самая настоящая детская комната, украшенная и отделанная так, словно в ней собиралась поселиться принцесса. Уж настолько Дасий расстарался. Дело осталось за малым, перенести девочку в её новое жилище. А меж тем она сама так сладко разоспалась, что её и будить-то не хотелось. Те неясные, тёмные грезы, что мучили её вначале сна, куда-то улетучились, и теперь у малютки был вид абсолютно счастливого младенца.

– Так, наверное, спят только ангелы в раю,… сердце радуется на такое чудо глядючи,… ах ты моя маленькая лапушка,… ты принесла в мой дом покой и умиротворение. Ты послана мне самим проведением,… ты утешение для моей измученной души,… счастьюшко ты моё ненаглядное… – ласково прошептал Дасий, трепетно взирая на то, как сладко спит его подопечная.

– Ой,… а как же мне тебя называть?… ведь я даже не знаю твоего имени… – вдруг опомнился он, – ах, я старый растяпа,… девочке надо срочно дать имя, и притом красивое!… Хотя мне кажется, я уже знаю такое,… уж раз ты послана мне в утешение, то и имя у тебя должно быть подобающие,… а утешение настолько гармонично сочетается со Стешенькой, что лучше и придумать нельзя,… они созвучны, словно ноты одной мелодии,… значит, я тебя так и назову. И будешь ты мне отныне самым родным, самым близким человечком на свете… – совсем тихо, будто боясь спугнуть счастье, произнёс Дасий и чуть не расплакался.

Однако плакать было некогда, требовалась закончить начатое. И он, осторожно взяв Стешеньку на руки, бережно перенёс её в детскую. И вот тут-то начались новые сюрпризы. Едва Дасий положил Стешеньку в кроватку, как она тут же проснулась и опять замяукала, словно маленький котёнок.

– Да что же это такое?… что я не так сделал?… может тебе кроватка не нравиться?… – озабоченно пролепетал Дасий и вновь взял Стешеньку на руки. Но никакого результата, она так и продолжала плакать. Тогда он чуть ли не бегом ринулся на кухню, где в кастрюльке ещё оставались еле тёплые остатки кашки.

– А может ты опять проголодалась?… говорят, с детьми такое часто случается… – пробормотал он, и попробовал скормить Стешеньке чайную ложку манки. Но Стеша тут же сплюнула её и снова замяукала.

– Ох, ну что же такое?… а может, ты пить хочешь?… – охнул Дасий и быстрей достал молочка. Но и тут неудача, Стеша по-прежнему плакала. Тогда Дасий в порыве найти ей какую-нибудь игрушку или погремушку кинулся в мастерскую, где у него лежало много всяких забавных предметов для натюрмортов. И только они оказались в мастерской, как мяуканье сразу прекратилось.

– О, как!… выходит, здесь ты не плачешь!… ну надо же! … – удивлённо заключил Дасий, и чтобы проверить свою догадку слегка отступил обратно за порог. Стеша мгновенно подала голос.

– Ага!… теперь-то мне точно ясно, что дело не в кроватке и кашке,… это тебя в мастерской что-то привлекает!… Но что именно?… может столик, где ты спала?… – предположил Дасий и шагнул к столику. Но не тут-то было, Стешенька будто зная, что он затеял, громко мяукнула и нарочито махнула рукой, в направлении стоявшей в углу картины. Чему Дасий немало удивился.

– Ну, надо же!… ты мне сама на картину указала!… Ай, да ты моя лапушка,… оказывается, это тебе без неё неладно,… давай-ка мы её заберём, да пойдем твою новую кроватку посмотрим… – радостно протараторил он и, прихватив в одну руку картину, в другую Стешеньку, поспешил в детскую. И надо же такому быть, Стешенька пока они шли, ни разу не мяукнула, и даже наоборот счастливо разулыбалась. Очутившись в детской, Дасий быстро положил Стешеньку в кроватку и рядом поставил картину. Буквально мгновение и Стешенька уже опять сладко спала.

– Вот это чудеса,… снова заснула!… а всё из-за картины!… Ну, не может она без неё, словно та заговорённая!… Выходит, я всё-таки прав,… это из этой картины она пришла в наш мир,… значит, тот старинный замок, и карета с мужским силуэтом привиделись мне не просто так!… Эхе-хе-хе, … ну ладно, чего уж там,… как вышло, так вышло,… дальше будем жить вместе… – сделав для себя ещё одно открытие, глубоко вздохнул Дасий, и присел рядом с кроваткой, трепетно наблюдая, как Стешенька улыбается во сне. На этом

день и закончился.

4

Так с того памятного вечера Дасий со Стешенькой зажили вдвоём. При этом, как ни странно, превосходно понимали друг друга. Бывало, Стешенька что-нибудь мяукнет, ручкой взмахнёт, а Дасий уже знает, что ей надо. Или наоборот, Дасий что-то Стешеньке скажет, пояснит, а она головой кивнёт, мол, понимаю, идти тебе надо, а мне тихо сидеть требуется. Одним словом меж ними установилось полное взаимопонимание. Однако Дасию пришлось на время оставить своё ремесло. Писать картины было просто некогда, ведь уход за младенцем это не шутки. Тем более, что вскоре в поведении Стешеньки открылись некоторые новые особенности.

Случались такие дни, когда она часами ничего не произносила и даже не шевелилась. Просто лежала у себя в кроватке, и молча глядела куда-то в потолок. Складывалось такое впечатление, что Стеша в эти моменты где-то далеко, в другом мире, до такой степени она погружалась в себя. Поначалу Дасий очень пугался её такого состояния. Он не раз пытался достучаться до её сознания; то трещоткой пошумит, то колокольчиком позвенит, а то и соловьём пропоёт, но всё напрасно. Стеша по-прежнему витала где-то далеко в своих мирах. Лишь месяц спустя Дасий смирился, привык, и прекратил всякие попытки проникнуть в её грёзы.

– Ну что уж тут поделать раз ты такая,… у каждого свои

странности,… главное, вреда от этого никакого нет,… летаешь ты там у себя в облаках, и летай дальше!… Ты у меня, словно сказочная принцесса,… такая же необыкновенная… – ласково улыбаясь, говорил он Стешеньке, когда та в очередной раз возвращалась в наш мир из своих грёз. И тогда они уже вместе начинали играть в смешные забавы, которые Дасий придумал специально для неё. Свистели в ивовую дудочку, трясли шумными погремушками, извлекали мелодию из звонких колокольчиков. В общем, шалили, как могли.

И вот за такими забавами с развлечениями незаметно прошёл ещё один месяц. Однако за всё это время никто в городе так и не заявил о пропаже ребёнка, и ни одна дворянская семья не объявила об исчезновении наследницы. А меж тем многочисленные друзья Дасия с нескрываемым любопытством интересовались, откуда в его доме взялась маленькая девочка. На что он, озорно шутя, отвечал им. Мол, случайно нарисовал и вот теперь его обязанность быть ей нянькой-опекуном. Разумеется, друзья, зная его склонность к весёлым каламбурам и розыгрышам, лишь посмеивались над его шутками. На этом все расспросы и закончились.

Одним словом, появление Стешеньки так и осталось загадкой. А тем временем она заметно подросла, прибавила в весе, и теперь это была уже не та крохотная девочка в пелёнках, а вполне нормальный годовалый ребёнок, который не только начал ползать, но и уверенно ходить на своих

маленьких, крепких ножках. В общем, Стеша развивалась с неимоверной быстротой. И, конечно же, ей потребовались новые одежды. И тут уж Дасий расстарался, не поскупился.

Тратился на неё во всю, денег не жалел, покупал всего и много. Баловал Стешеньку, как родную доченьку, привязался к ней всей своей щедрой душой. Однако такая чрезмерная привязанность и излишняя расточительность сыграли с ним злую шутку. В один прекрасный день все его финансовые запасы, кои ещё имелись, внезапно кончились. Кинулся Дасий по сусекам рыскать, а средств-то и нету. Заглянул он в кубышку, и там пусто. А ему как раз провиант покупать надо.

– Что такое!?… как так!?… вроде ещё совсем недавно была полна!… и куда же всё подевалось!?… Ну, ничего,… пойду займу, а потом отдам… – не отчаиваясь, подумал он, и пошел, занял у своих друзей для начала незначительную сумму. Ну а дальше – больше. Минуло ещё пару месяцев, Дасию пора долг отдавать, а нечем. Он пять к друзьям, но только на этот раз уже к другим, и гораздо большую сумму занимает. Это чтоб ему старый долг отдать и себе оставить. Так прошло ещё полгода, а Дасий всё деньги занимает. Назанимал столько, что и сам не знает, как отдавать будет. Тут-то его друзья и всполошились, пришли к нему поговорить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.